

Нарратив, интерес, мотивация: Л. И. Петражицкий vs Я. Э. Голосовкер*

И. О. Щедрина

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Для цитирования: Щедрина И. О. Нарратив, интерес, мотивация: Л. И. Петражицкий vs Я. Э. Голосовкер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 81–91. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.107>

Современная философия науки уделяет особое внимание процессам социального регулирования деятельности ученого. Фактически эпистемолог сегодня приближается к границам социологии науки, и очень часто его рассуждения оказываются созвучными с концепциями специалистов в области социального управления и, в частности, в области социального программирования. Но когда начинается обсуждение различных способов построения конкретной «программы», социологи, как правило, не включают в свои исследования исторический опыт познания. Тем не менее и эпистемологи, и социологи согласны с тем, что в основании продуктивности человеческой деятельности (в любой сфере) лежит ее осмысленность. Но как достичь ее, в каких социальных условиях у человека возникает желание мыслить, понимать и творить? В какой момент появляется интерес, можно ли говорить о «мотивации» как о научной цели в контексте обеспечения достойного социального фона? В статье актуализируются идеи социального программирования, направленного на создание таких условий. Автор обращается к интеллектуальному наследию русских философов и ученых-гуманитариев начала XX в., Л. И. Петражицкого и Я. Э. Голосовкера, чтобы показать методологическую эффективность их рассуждений о «мотивации» и «интересе», а также принципиальное идейное созвучие их философских исследовательских программ. Петражицкий говорит о мотивации из философско-правового поля, а Голосовкер исходит из логики воображаемого. Однако, несмотря на разницу в дисциплинарных направлениях, и тот и другой понимают значение повествования (нарратива) для возникновения и культивирования мотивации и интереса к познанию.

Ключевые слова: нарратив, интерес, мотивация, социальное программирование, Л. И. Петражицкий, Я. Э. Голосовкер.

Современный человек — часть крайне нестабильного мира. Этот мир (и физический, и виртуальный), все, что окружает нас сегодня, постоянно трансформируется, причем нынешний этап этих изменений можно определить, говоря современным научным языком, как точку бифуркации; очень много перспектив и возможностей, причем зачастую не самых благоприятных для человечества, от-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности проект № FENW-2022-0026 «Нарратив или сторителлинг? Социальное программирование студенческой аудитории на научный успех в контексте реализации программы Десятилетия науки и технологий»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

крывается из этой точки. Во всяком случае, нынешнее состояние общества — социальные тренды, состояние нравов и умов — можно вполне оправданно назвать хаотическим. И одной из немногих областей духовной жизни, обращение к которой позволяет хотя бы отчасти понять происходящее, является исторический опыт философии, пытавшейся в свое время осмыслить подобные ситуации. Эта попытка понять, в том числе и то, что дает возможные варианты, сценарии выхода из кризисных ситуаций, заключается в организации и секвентивной проработке общества, в упорядочивании его, выстраивании линии «от и до». Секвенция в данном случае выступает не просто порядковой очередностью, но именно вариантом нарративной организации планирования, нарративизации действий. Фактически речь идет о социальном планировании и социальном программировании; потому что именно эти современные, а в чем-то слишком современные и потому пугающие направления социальной методологии могут зафиксировать и в дальнейшем обеспечить устойчивую ориентированность общества, человека на какое-либо явление и организовать на достижение результата (буквально составить план, рассказать суть, а главное — мотивировать и заинтересовать).

Я не случайно обращаюсь именно к последним двум понятиям: мотивация и интерес лежат в основе любой (осмысленной) человеческой активности. Это базовые феномены, анализу которых посвящали свои работы многие философы, психологи, ученые-гуманитарии. XX век с его конфликтами, кризисами и социальной нестабильностью ближе всего к сегодняшнему дню (и по хронологии, и по самоощущению), поэтому тем важнее, на мой взгляд, обратиться ко взглядам свидетелей тех лет. Не просто к мироощущению в целом, но к тому, что, по их мнению, толкает людей, что направляет и заставляет действовать.

Л. И. Петражицкий и Я. Э. Голосовкер — ученые, крупнейшие специалисты каждый в своей области, заинтересовались: что именно движет человеком? Представители совершенно разных направлений: Петражицкий — юрист и философ права, рассуждавший на стыке эпох о необходимых государству и обществу смыслах (на фоне событий начала XX в.), Голосовкер — тончайший знаток античной и немецкой филологии и философии, всю жизнь глядевший на мир сквозь призму греческого мифа, — они не были знакомы, в разное время закончили Киевский Императорский университет святого Владимира, каждый по своей специальности; однако оба поставили в центр своих рассуждений *смысл*, т. е. то, чем живет человек — античный, или современный. Центральным понятием для Л. И. Петражицкого стала «мотивация»; Голосовкер посвятил свои размышления «интересу» и «воображению».

Человек живет в обществе и по собственной воле подчиняется правилам — стандартам, требованиям, условиям, без которых невозможно обойтись ни в древности, ни сегодня. Прежде всего речь о правилах социального сосуществования, моральных и правовых, без которых это сосуществование априори невозможно. Эти правила вводятся для обеспечения функционирования общества в целом и для удобства человека в частности. Однако каждое правило требует объяснения, за каждым требованием лежит история, повествование. Изложенные в текстах, сокращенные до кратких формулировок, они изо дня в день регулируют общественные отношения. И в основе этих взаимоотношений — действия. Те, которые обеспечиваются психологической мотивацией и интересом, те, осуществление которых

излагается в нарративе. В самом деле, нарратив становится и своеобразным методологическим плацдармом для обеспечения мотивации и интереса, и возможностью фиксации этих явлений в обществе по итогам человеческого действия. Сравнение мотивации и интереса в контексте права и истории философии позволяет, с одной стороны, увидеть своеобразие взгляда философа-правоведа и историка философии, а с другой — очертить теоретические особенности указанных дисциплин, неразрывно связанных с человеком, его мышлением и его поступками.

Идеи Льва Иосифовича Петражицкого, посвященные психологической теории права, повлияли на развитие философии права в России и в мире. Среди его интеллектуального наследия — психологическая школа права в России, а также плеяда философов, социологов и правоведов (Г. Гурвич, П. Сорокин, Н. Тимашев). Предложенная Л. И. Петражицким концепция приобретает сегодня особое звучание (заметим, психологизм в то время понимался широко, практически переходя в духовность). Право важно постольку, поскольку может ориентировать человека, его поведение, общество в целом, — и оно может создать комфортные условия для существования человека и нормального регулирования. Но главным для ученого все равно оставался индивидуальный мотив. Как замечает современный исследователь А. В. Поляков, «Петражицкий предполагал воздействовать на поведение людей через развитие у них необходимой в интересах прогресса общества мотивации...» [1, с. 74]. Для того, кто занимался философией права, Л. И. Петражицкий был, с одной стороны, психологичен, если не сказать натуралистичен; с другой — его выбор и способы постановки проблемы, предлагаемые решения были довольно нетипичны для ученого-позитивиста, работавшего в конце XIX — начале XX в. Эту особенность отмечают специалисты в области философии права, в частности Е. В. Тимошина. Так, за пределами позитивистской доктрины оказываются некоторые элементы его эпистемологических и теоретико-правовых взглядов: «...критическое отношение ученого к натуралистической традиции в социальных науках, к гедонистическим и утилитаристским теориям мотивации, исторически связанным с позитивизмом и натурализмом, к различным направлениям юридического позитивизма, а также выдвинутый им тезис о необходимости возрождения естественного права и др.» [2, с. 156].

Более того, право, по мысли Л. И. Петражицкого, само по себе обладает «духовной природой» и содержит в себе этическую значимость, «а потому и не может быть исследовано в соответствии с ориентированными на естествознание методологическими стандартами позитивизма» [2, с. 156]. Петражицкий раскрывает природу права, во-первых, как явления сугубо психологического, а во-вторых, как явления воспитательного. Именно действие права, по Петражицкому, лежит в основании мотивации: «Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)» [3, с. 4].

Правовая мотивация становится для Петражицкого ключевым понятием, он характеризует ее через обеспечение осознания индивидом «соответственного

правового долга» и обязанности действовать в надлежащем направлении, т. е. в соответствии с правилами общественного проживания и сосуществования. Мотив в таком ракурсе предстает как эмоциональное влечение и давление, как «психическая причина человеческого поведения». Именно в интенциональности человеческой психики, по мысли Петражицкого, заключались суть и смысл права: «...так как действие права состоит, во-первых, в возбуждении мотивов (эмоциональных влечений и давлений) в пользу известного поведения (мотивационное действие), во-вторых, в создании, путем мотивационного управления поведением и иными путями разных психических диспозиций, эмоциональных и иных склонностей и способностей (воспитательное, педагогическое действие), то сознательно-рациональная законодательная политика представляет основанное на соответственном психологическом базисе мотивационно-педагогическое искусство, искусство вызывания желательного в данной области индивидуального и массового поведения и желательного развития диспозитивной психики тех индивидов или тех категорий их, которые подвергаются психическому воздействию со стороны известной правовой нормировки» [4, с. 524].

Можно сказать, что мотивационная теория Петражицкого лежит в основании сегодняшних принципов социального программирования. Идеи Л. И. Петражицкого связывают воедино психологию, социологию, педагогику, юриспруденцию и даже феноменологию. К текстам Петражицкого в равной степени с интересом обращаются с позиций феноменологии (см.: [5]), психологии и социологии (см.: [6–8]). Например, Д. А. Савенков подчеркивает: «...психологическая концепция права Л. И. Петражицкого представляет собой тип научного редукционизма, одновременно и онтологического, и методологического, который, следует отметить, был характерен для развития проблематики соотношения идеалистических и реалистических подходов в праве» [5]. Методологическая специфика юридического знания, к которой Петражицкий обращался с позиций психологии, совмещает в себе и правовые, и когнитивно-ценностные компоненты. Однако именно интенциональность человеческого сознания и поступка, сфокусированность на движении (в области этико-правового и мифопоэтического) становится общим моментом для Л. И. Петражицкого и Я. Э. Голосовкера.

Их разделяли время, пространство и профессиональные сферы, внутри которых они работали. Однако они обращались к человеку, подходя совершенно с разных сторон. Условным общим началом и для Петражицкого, и для Голосовкера можно назвать медицину. Петражицкий два года проучился на медицинском факультете, прежде чем перейти на юридический. Отец Голосовкера был известным хирургом. И Петражицкий, и Голосовкер, таким образом, были знакомы с медицинским взглядом, они не понаслышке знали: в центре всегда находится целостный человек: его действия, его телесные и душевные недуги, его стремления и мысли. Для юриста Петражицкого человек — не просто участник правовых отношений, элемент правового взаимодействия; для философа Голосовкера человек — не просто слушатель повествования. Для них обоих субъект — деятель, активный преобразователь смыслов (на уровне мотивации в философии права Петражицкого, на уровне воображения в мифологии Голосовкера).

Бесспорно, правила — сердце правового регулирования, заключающее в себе этос во всем его потенциале, по сути, иной способ понимания реальности и иное

представление об управлении ею, нежели в воображении. И тем не менее сила человеческого «имагинативного», преломленная через античный логос, обретает для нас близкий и вполне современный, хотя и совершенно по-другому раскрывающийся облик у Я. Э. Голосовкера. Н. В. Брагинская подчеркивала эту особенность его философского творчества, апеллируя к историческим перипетиям в России XX в.: «Поколению Лосева, Голосовкера, Бахтина предстояло облекать свою философию в ризы филологии, существуя в роли преподавателей древних языков и литератур, переводчиков древних текстов, эстетиков и т. п.» [9, с. 115]. И в данном случае двойное образование Голосовкера (историко-филологическое и философское) послужило ему идейным плацдармом. Есть нечто знаковое в том, что человек, посвятивший свои тексты воображению, феномену «имагинативного», дважды пережил свои собственные рукописи. Дважды обращался к тому самому воображению, восстанавливая собственный архив настолько, насколько это было возможно. И то, как в его трудах обожествляется, обессмерчивается через воображение культура, то, как имагинативное обретает статус абсолютного, является в некотором роде персональным онтологическим поворотом.

Разное отношение к реальности и к человеку у Петражицкого и Голосовкера оказывается обобщенным пониманием культурных смыслов через этико-правовой, регулятивный аспект, с одной стороны, и через онтологическое обеспечение этих смыслов — с другой. В качестве иллюстрации такой нарративной двойственности, связывающей культуру, искусство (то, что сотворено воображением) и реализованную мотивацию — совершенный поступок, можно, на мой взгляд, привести рассуждения П. Рикера (Ricoeur) о *praxis* на страницах его «Времени и рассказа»: «...если мы по-прежнему будем переводить *mimesis* как подражание, то под этим нужно понимать нечто совершенно противоположное копированию предсуществующей реальности, а именно — творческое подражание. Если же мы переводим *mimesis* как репрезентацию, то под этим словом нужно понимать не удвоение настоящего, как это было бы еще возможно в случае платоновского *mimesis*, а разрыв, открывающий пространство вымысла. Творец слов создает не вещи, а только квази-вещи, он изобретает “как если бы”. В этом смысле аристотелевский термин “*mimesis*” — символ такого разрыва, который... и определяет литературность литературного произведения. И все же уравнение *mimesis-mythos* не исчерпывает смысла выражения *mimesis praxeos*. <...> ...принадлежность термина *praxis* одновременно к области реального, находящегося в ведении этики, и к области воображаемого, находящегося в ведении поэтики, наводит на мысль, что *mimesis* выполняет не только функцию разрыва, но и функцию связи, которая как раз и определяет статус “метафорической” транспозиции практического поля, осуществляемой посредством *mythos*» [10, с. 58].

Область воображаемого — центральная у Голосовкера, обращавшегося к сфере античного мифа, однако обеспечивает эту реальность человеческая интенция — интерес. «Имагинативная реальность действительна лишь тогда, когда она неповторимо характерна или, по терминологии Голосовкера, “интересна”. А человеческое знание... как раз и есть неизбывное стремление выразить и досказать в истории эту “интересную”, т. е. человечески-характерную реальность. И в этом смысле поэзис, искусство, творчество — тоже знание, но не знание объективированных фактов, но “знание смысла истины”» [11, с. 19]. Понятие «интересное» не знает право-

вых, логико-этических границ, оно далеко от правовой мотивации и регулятивных функций, но само задает параметры «имагинативной реальности» — и в этом его безусловное антропологическое фундирование обретает онтологические черты. «Интересное» делает частью реальности то, что ею как таковой может и не быть во-все. Так, Голосовкер пишет эссе «Интересное» (1960), где, пытаясь дать определение этому понятию, уходит все дальше (и глубже!) в культуру воображаемого. «В первоначальной редакции эссе начиналось с попытки дать интересному общее определение в терминах профессиональной философии. Затем этот раздел переместился в конец произведения на место выводов и, наконец, оказался упразднен», — пишет о работе над этим текстом Н. В. Брагинская [9, с. 112]. Реальность имагинативно-го реализма обеспечивается нашими собственными предпочтениями: «Мы живем в кругу “особо близких”, и эти “особо близкие” обладают не существованием, а обладают для нас полным бытием. <...> Итак: есть *близкие-из-бытия* — имагинативные образы и идеи с их смыслообразами, созданные разумом воображения, и есть *близкие-из-существования* — живые существа нашего обихода и быта» [12, с. 195, 197]. Эта внутренняя, имагинативная онтология тоже представлялась своеобразным выходом за грань обыденного и «неинтересного» — к более широкому пониманию социального как части культурного.

И Голосовкер, и Петражицкий выходили за пределы индивидуальности: один — к Имагинативному Абсолюту, к онтологическому-в-обществе, другой — к современным ему правовым реалиям. Они оба чувствовали необходимость изменений в первую очередь в обществе. Польский профессор Анджей Койдер (Kojder) обозначил этот момент в статье «Социально-правовые идеи Леона Петражицкого и их актуальность»: Петражицкий констатировал необходимость такой реформы науки, где критерий истинности научных законов заменялся бы на критерий их адекватности, а значит — соразмерности. Суть этого принципа заключалась бы в следующем: «...сформулированное о конкретном объекте истинно по отношению и только по отношению ко всему классу соответствующих объектов. По мысли Петражицкого, научную ценность имеют только те теории, которые отвечают требованию адекватности, и только те концепции, в отношении которых можно сформулировать истины, отвечающие этому требованию» [13, с. 125].

В этом смысле наука (правовая, как и любая другая) приобретает элемент не просто соразмерности, но человекоразмерности, поскольку фокусируется уже не только и не столько на законе, сколько на адекватности и на человеческом восприятии. Адекватность и соразмерность отталкиваются от человека и приходят к нему же, обеспечивая должное функционирование общества: «Мотивационная сила права также проявляется в том, что оно наделяет каждого человека справедливыми требованиями и заставляет адресатов этих требований исполнять возложенные на них обязанности» [13, с. 129]. Петражицкий подчеркивал гибкость правового регулирования, его зависимость от человека. Мотивационный аспект этой идеи крайне важен сегодня для социального программирования: человека запрограммировать нельзя (те, кто думает обратное, представляют социальное программирование в крайне упрощенном виде, отсюда столько опасений и превратного отношения к данному направлению). Человека не запрограммировать — но можно проработать то пространство, в котором человеку будет интересно жить, сделать безопасными и удобными культуру и общество, а для этого необходимы правила, которые

и будут соразмерны человеческому существованию. «С развитием научной правовой политики в ней должны усилиться филоцентрические тенденции, т.е. такая мотивация человеческих действий и сопровождающих их эмоций, которая берет в расчет нужды и благо всех Homo sapiens» [13, с. 132].

Однако автоматика социального программирования, черты которой можно усмотреть в воспитательном, педагогическом воздействии правовой мотивации, обладает оборотной стороной — скукой. То, что очень отчетливо улавливает Голосовкер. Право — неотъемлемая часть социального взаимодействия, оно же — часть и управляющий элемент постоянной возобновляемости, повторяемости человеческого поступка, того самого, что обеспечивается мотивацией. В этом заключается педагогический смысл права, поскольку оно постоянно поддерживает одни мотивы и подавляет другие: «Повторение действий, предписанных правом, последующими поколениями оставляет “следы” в душе, приводит к “автоматизации движений”, “проникает в плоть и кровь общества”. Как результат, подавляющее большинство руководствуется правовыми правилами без какого-либо “конфликта мотивов”» [13, с. 128]. Эта реальность, фундированная этически, обоснованная логически, подстроенная под человека, теряет, однако, свои человекоразмерные характеристики. Будучи поставленной «на поток», она отдает свободу человеческой мысли в обмен на контроль и пассивность автоматизма.

В этом состоит своеобразное предупреждение Я. Э. Голосовкера, писавшего более полувека назад: «Мысль человека очень горда. Она духовно гордится своей свободой, которую она сама же себе постулирует по инстинкту — по имажинативному инстинкту. Постулирует ее, свободу, невероятная мощь человеческого воображения. Автоматика же в принципе — антисвобода, невзирая на то, что современная чудо-автоматика облегчает труд человека и ускоряет цивилизаторский успех. Созданная мыслью человека, автоматика унижает самую же мысль: своей претензией превзойти и заменить мысль и ее свободу, опираясь на превосходство скорости механического процесса. Автоматика тоже гордится, но ее гордость — спесь, а не духовная гордость. Эта спесь забывает, что породившая ее, автоматику, мысль может ее мгновенно уничтожить и что все сложные процессы ее связей, готовые прошлым перегнуть будущее и им управлять — ничто перед мощью идеи, которую рождает мысль — воображение человека» [14, с. 238]. Переутомленность «умом науки», развоплощенность воображаемого и превалирование технологического над свободным и духовным чревато вырождением творчества в «сумасшествие быта» [14, с. 262], когда интеллектуальная действительность ограничивается пусть и строго отрегулированной, но техникой, без имажинативного элемента. В сущности, социальное программирование предвосхищается и здесь, его слабости озвучены Голосовкером, зафиксированы уже тогда, задолго до технических открытий и прорывов сегодняшнего дня. И самый сильный элемент социального зафиксирован тоже, причем вновь с разных сторон к нему приходят и Петражицкий, и Голосовкер, — это любовь.

Любовь становится основополагающим принципом человеческого действия, мотивации, полета мысли, интереса и действительной сферой воображения. Рассуждая о любви и интересе, Голосовкер приводит слова Фейербаха (Feuerbach) и сам же их поправляет по-своему, встраивая в концепт Имажинативного Абсолюта: «Только для того, кто ничего не любит, безразлично, существует ли что-нибудь

или нет». Это значит: нелюбящий равнодушен. Но мне думается иначе: невоображающий равнодушен» [12, с. 67]. Любовь приравнивается к этосу, здесь присутствует общий момент и у философа, и у правоведа. «Такие понятия, как бытие, свобода, истина, доблесть (добродетель), или же — вечная любовь, бессмертная душа, святость — суть имагинативные оморализованные понятия, порождения Имагинативного абсолюта, или духа» [12, с. 39]. Любовь становится одним из абсолютных критериев культурных ценностей — однако она и деятельна, и разумна. Голосовкер абсолютизирует любовь, Петражицкий ее рационализирует. Будучи целью политики права, любовь в представлении Петражицкого базируется на психологических переживаниях и несет в себе в первую очередь воспитательное воздействие («Любовь есть определенное состояние человеческого ума, которое заставляет человека действовать социально желательным образом и воздерживаться от того, что является социально вредным» [15, с. 209]). Оба они, и Петражицкий, и Голосовкер, приходят именно к любви — как к атрибуту этико-правовой мотивации и как абсолютному, высшему инстинкту воображаемого. Именно в ней заключается Высший инстинкт воображения, обращенный на действие. А значит — на реальность. В этом действии, в реализации Имагинативного Абсолюта, происходит творческий порыв, «Побуд», «мощь» — то, что, говоря словами Голосовкера [12, с. 85], побуждает к знанию, к творчеству — и не позволяет отступить, столкнувшись с преградой. Фактически это главная (и во многих смыслах идеальная) ступень на пути к сформированному и грамотно организованному социуму, к человеку как субъекту и объекту социального программирования¹.

И тем актуальнее идеи Петражицкого и Голосовкера сегодня, когда человек вынужден существовать в условиях рекурсивной цифровизации, когда «медиа» поглощает «этос» и растворяет его, а мотивации, о которых пишет Л. И. Петражицкий и которые уже в его время порождали хаотичные столкновения на уровне человека как юридического и антропологического субъекта [21], сегодня могут быть истолкованы как дополнительная форма информационного дестабилизатора в цифровом потоке. Современный человек существует в ситуации гигантского окна возможностей, буквально бесконечного выбора, — но тем самым он оказывается в социальной ловушке цифрового мира, с которым вынужден смиряться, учиться в нем существовать и взаимодействовать, в том числе и на правовом уровне (подробнее см.: [22; 23]).

Технологический скачок конца XX — начала XXI в. переместил внимание исследователей на когнитивные аспекты социально-правовых теорий. Благодаря интернету возникает иллюзия, что социум находится на переднем крае понимания реальности (во всей ее вариативности, в том числе имагинативной и правовой); однако сам человек едва ли не растворяется в цифровом хаосе возможностей и сложностей ориентировать свою деятельность. В этом смысле нарратив (повествование), понимаемый как рефлексивный самоотчет и фиксация нарождающейся когнитивной фрустрации, способен помочь преодолеть социальный хаос сегодняшнего дня, а стало быть — и хаос мотивационно-психологический, и стать на шаг ближе к реализации Имагинативного идеала любви.

---

¹ Подробнее о социальном программировании см.: [16–20].

Литература

1. Поляков, А. В. (2018), П. И. Новгородцев и идея «возрожденного естественного права» как коммуникативная проблема, в: Прибыткова, Е. А. (ред.), *Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и Б. А. Кистяковский*, М.: Политическая энциклопедия, с. 51–77.
2. Тимошина, Е. В. (2018), Логико-методологические основания теории права Л. И. Петражицкого в контексте аналитико-феноменологической традиции, в: Прибыткова, Е. А. (ред.), *Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и Б. А. Кистяковский*, М.: Политическая энциклопедия, с. 151–184.
3. Петражицкий, Л. И. (1908), *Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии*, 3-е изд., СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих.
4. Петражицкий, Л. И. (1907), *Университет и наука: опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования: с приложениями: о высших специальных учебных заведениях и о среднем образовании*, СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих.
5. Савенков, Д. А. (2022), Психологическая концепция права Л. И. Петражицкого, *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. URL: <https://online-science.ru/userfiles/file/d6fxi8fhsqss4reivisxwdszd4mlcgi6.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).
6. Корнилаев, Л. Ю. (2021), Индивидуальное и социальное в философии права Л. И. Петражицкого, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, т. 25 (3), с. 513–523.
7. Варламова, Н. В. (2022), Права человека в психологической теории права Л. И. Петражицкого: реконструкция и критическая интерпретация, *Антиномии*, т. 22, вып. 2, с. 73–95.
8. Головина, Л. Ю. (2013), Актуальность эмоциональной психологии в понимании права, *Право и современные государства*, № 3, с. 25–28.
9. Брагинская, Н. В. (2017), Имагинация — интуиция — инспирация: Я. Э. Голосовкер и гносеология воображения, в: Рашковский, Е. Б. (ред.), *Яков Эммануилович Голосовкер*, М.: Политическая энциклопедия, с. 57–116.
10. Рикёр, П. (1998), *Время и рассказ, т. 1: Интрига и исторический рассказ*, М., СПб.: Университетская книга.
11. Рашковский, Е. Б. (2017), Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека, в: Рашковский, Е. Б. (ред.), *Яков Эммануилович Голосовкер*, М.: Политическая энциклопедия, с. 7–40.
12. Голосовкер, Я. Э. (2010), Имагинативный абсолюте, в: Голосовкер, Я. Э., *Избранное. Логика мифа*, М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 5–222.
13. Койдер, А. (2018), Социально-правовые идеи Леона Петражицкого и их актуальность, в: Прибыткова, Е. А. (ред.), *Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и Б. А. Кистяковский*, М.: Политическая энциклопедия, с. 124–150.
14. Голосовкер, Я. Э. (2010), Интересное, в: Голосовкер, Я. Э., *Избранное. Логика мифа*, М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 223–268.
15. Шитов, А. Н. (2018), Юридическое обоснование и совесть судей в теории Петражицкого, в: Прибыткова, Е. А. (ред.), *Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и Б. А. Кистяковский*, М.: Политическая энциклопедия, с. 203–233.
16. Терзиев, В. К. и Стоянов, Е. Н. (2016), Роль и место социального программирования в системе государственного управления, *Инновационная наука*, № 3-1 (15), с. 235–242.
17. Сидоренко, А. И. и Ибрагимов, Ю. Э. (2019), Право и закон в условиях цифровизации социального программирования. Подведение итогов состоявшейся дискуссии, *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, № 4, с. 162–168.
18. Шалак, В. И. (2016), Социальное программирование, *Socio Time / Социальное время*, № 1 (5), с. 51–60.
19. Щедровицкий, Г. П. (1999), Программирование научных исследований и разработок, М.: Путь.
20. Parikh, R. (2002), *Social Software, Synthese*, no. 132, pp. 187–211.
21. Петражицкий, Л. И. (1904), *О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях*, СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой.
22. Овчинников, А. И. (2021), «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении, *Юридическая техника*, № 15, с. 227–230.

23. Skorobogatov, A. V. (2021), Правопонимание как основа юридических исследований в эпоху цифровизации, *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, № 5, с. 145–152.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Щедрина Ирина Олеговна — канд. филос. наук, ст. науч. сотр.; echiscar@yandex.ru

Narrative, interest, motivation: L. I. Petrazhitsky vs Ya. E. Golosovker*

I. O. Shchedrina

Southern Federal University,
105/42, ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

For citation: Shchedrina I. O. Narrative, interest, motivation: L. I. Petrazhitsky vs Ya. E. Golosovker. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 81–91. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.107> (In Russian)

The modern philosophy of science pays special attention to the processes of social regulation of the researcher's activity. In fact, today, the epistemologist is approaching the boundaries of the sociology of science. Rather often, his reasoning turns out to be consonant with the concepts of specialists in the field of social management. But when the discussion begins on how to build a particular "program", sociologists, as a rule, will not include in their research the historical experience of knowledge. Nevertheless, both epistemologists and sociologists agree that meaningfulness forms the basis of the productivity of human activity (in any sphere). But how to achieve it? Under what social conditions does a person have the intent to think? The article actualizes the ideas of social programming aimed at creating such conditions. The author refers to the intellectual heritage of Russian philosophers and humanities scholars of the early 20th century, L. I. Petrazhitsky and Ya. E. Golosovker, to show the methodological effectiveness of their reasoning about "motivation" and "interest", as well as the fundamental ideological consonance of their philosophical research programs. Petrazhitsky speaks of motivation from the philosophical and legal fields, while Golosovker proceeds from the logic of the imaginary. But both of them understand the importance of story (narrative) for the emergence and cultivation of motivation and interest in knowledge.

Keywords: narrative, interest, motivation, social software, L. I. Petrazhitsky, Ya. E. Golosovker.

References

1. Polyakov, A. V. (2018), P. I. Novgorodtsev and The Idea of "Revived Natural Law" as a Communicative Problem, in: Pribytkova, E. A. (ed.), *Filosofia prava: P. I. Novgorodtsev, L. I. Petrazhitskii i B. A. Kistiakovskii*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 51–77. (In Russian)
2. Timoshina, E. V. (2018), Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law by L. I. Petrazhitsky in the Context of the Analytical and Phenomenological Tradition, in: Pribytkova, E. A. (ed.), *Filosofia prava: P. I. Novgorodtsev, L. I. Petrazhitskii i B. A. Kistiakovskii*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 151–184. (In Russian)

---

* The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (SA (state assignment) in the field of scientific activity project no. FENW-2022-0026 "Narrative or storytelling? Social software of the student audience for scientific success in the context of the implementation of the Decade of Science and Technology program").

3. Petrazhytsky, L. I. (1908), *An Introduction to the Study of Law and Morality. Fundamentals of emotional psychology*, 3rd ed., St Petersburg: Tipografia Iu. N. Erlikh Publ. (In Russian)
4. Petrazhytsky, L. I. (1907), *University and Science: Experience of the Theory and Technology of University Business and Scientific Self-Education: with applications: About Higher Specialized Educational Institutions and About Secondary Education*, St Petersburg: Tipografia Iu. N. Erlikh Publ. (In Russian)
5. Savenkov, D. A. (2022), Psychological Concept of Law by L. I. Petrazhitzky, *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. Available at: <https://online-science.ru/userfiles/file/d6fxi8fhsqs4reivisxwdszd4mlcgi6.pdf> (accessed: 03.10.2022). (In Russian)
6. Kornilaeв, L. Yu. (2021), Individual and Social in the Philosophy of Law by L. I. Petrazhitzky, *RUDN Journal of Philosophy*, vol. 25, no. 3, pp. 513–523. (In Russian)
7. Varlamova, N. V. (2022), Human Rights in the Psychological Theory of Law by L. I. Petrazhitzky: Reconstruction and Critical Interpretation, *Antinomii*, vol. 22, no. 2, pp. 73–95. (In Russian)
8. Golovina, L. Yu. (2013), The Relevance of Emotional Psychology in Understanding Law, *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 3, pp. 25–28. (In Russian)
9. Braginskaya, N. V. (2017), Imagination — Intuition — Inspiration — Ya. E. Golosovker and The Epistemology of Imagination, in: Rashkovsky, E. B. (ed.), *Yakov Emmanuilovich Golosovker*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 57–116. (In Russian)
10. Ricoeur, P. (1998), *Time and Narrative, t. 1: Intrigue and Historical Narrative*, Moscow, St Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russian)
11. Rashkovsky, E. B. (2017), Yakov Emmanuilovich Golosovker: Philosophy in Search of a Person, in: E. B. Rashkovsky (ed.), *Yakov Emmanuilovich Golosovker*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 7–40. (In Russian)
12. Golosovker, Ya. E. (2010), Imaginative Absolute, in: Golosovker, Ya. E., *Selected Works. The Logic of Myth*, Moscow, St Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 5–222. (In Russian)
13. Koider, A. (2018), Social and Legal Ideas of Leon Petrazhitzky and Their Relevance, in: Pribytkova, E. A. (ed.), *Filosofiya prava: P. I. Novgorodtsev, L. I. Petrazhitzkii i B. A. Kistiakovskii*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 124–150. (In Russian)
14. Golosovker, Ya. E. (2010), Interesting, *Selected Works. The Logic of Myth*, Moscow, St Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 223–268. (In Russian)
15. Shitov, A. N. (2018), Legal Justification and Conscience of Judges in the Theory of Petrazhitzky, in: Pribytkova, E. A. (ed.), *Filosofiya prava: P. I. Novgorodtsev, L. I. Petrazhitzkii i B. A. Kistiakovskii*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 203–233. (In Russian)
16. Terziev, V. K. and Stoyanov, E. N. (2016), The role and place of social programming in the public administration system, *Innovatsionnaya nauka*, no. 3-1 (15), pp. 235–242. (In Russian)
17. Sidorenko, A. I., Ibragimova, Yu. E. (2019), Law and Rule in the Context of Digitalization of Social Programming. Summing up the Results of the Discussion, *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia*, no. 4, pp. 162–168. (In Russian)
18. Shalack, V. I. (2016), Social software, *Socio Time / Sotsial'noe vremia*, vol. 1, no. 5, pp. 51–60. (In Russian)
19. Shchedrovitsky, G. P. (1999), *Programming research and development*, Moscow: Put' Publ. (In Russian)
20. Parikh, R. (2002), Social Software, *Synthese*, no. 132, pp. 187–211.
21. Petrazhitzky, L. I. (1904), *On the Motives of Human Actions, in Particular on Ethical Motives and Their Varieties*, St Petersburg: Tipografia E. L. Porokhovshchikovoi Publ. (In Russian)
22. Ovchinnikov, A. I. (2021), *Digital Leviathan* and Human Rights: Risks of Innovation in Law and Public Administration, *Iuridicheskaya tekhnika*, no. 15, pp. 227–230. (In Russian)
23. Skorobogatov, A. V. (2021), Legal Understanding as a Basis for Legal Research in the Age of Digitalization, *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina*, no. 5, pp. 145–152. (In Russian)

Received: September 10, 2022

Accepted: November 3, 2022

Author's information:

Irina O. Shchedrina — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow; echiscar@yandex.ru